

Этнография В МУЗЕЯХ

© 1991 г.

И. И. Шангина

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА НА РУБЕЖЕ 20-х—30-х годов XX в.

Настоящая статья посвящена событиям, происходившим в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. в этнографических музеях Москвы и Ленинграда: Центральном музее народоведения (ЦМН), организованном в Москве в 1924 г. на базе Императорского Московского и Румянцевского музея, ведущего свою историю с конца XVIII в.¹, Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР (МАЭ), преемника Кунсткамеры Петра I, и Этнографического отдела Русского музея, созданного в январе 1902 г.² В 1920-е годы эти музеи были крупнейшими в стране и располагали огромным коллекционным фондом памятников традиционной культуры народов СССР и зарубежных стран, лучшими в стране кадрами специалистов, этнографов и антропологов, получивших прекрасное образование в Петербургском и Московском университетах. Программа деятельности музеев, составленная в начале XX в., откорректированная в первые послереволюционные годы, отвечала всем требованиям мировой науки и музееведения того времени. На протяжении многих десятилетий своей истории этнографические музеи Москвы и Ленинграда оставались хранителями демократических традиций русской этнографической науки и музейного дела³.

Конец 1920-х — начало 1930-х годов был для этнографических музеев Ленинграда и Москвы, так же как и для других музеев страны, временем принципиального пересмотра всей их деятельности. Это было вызвано не столько внутренним развитием этнографической науки или музейного дела, сколько внешними обстоятельствами — новой общественно-политической ситуацией, сложившейся в стране. Конец 20-х годов, как известно, — эпоха провозглашения курса на ускоренное строительство социализма, усиления личной власти и утверждения командно-административной системы. В эти годы важным условием победы социализма в стране наряду с индустриализацией и коллективизацией считали перестройку общественного сознания, принятие всем обществом идеологии марксизма-ленинизма. Марксистские идеи должны были внедряться в сознание людей с помощью средств массовой информации, кино, театров, музеев. Последним идеологические работники придавали особенно большое значение⁴. Некоторые известные деятели Наркомпроса РСФСР, такие, как И. К. Луппол, Н. К. Крупская, Р. М. Фрумкина и др., считали, что музеи должны стать едва ли не главным центром пропаганды марксизма⁵. 20 августа 1928 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве РСФСР», в котором в директивной форме утверждалась необходимость превращения музеев в центры пропаганды⁶. В циркуляре Наркомпроса РСФСР, опубликованном в апреле 1929 г., говорилось, что музеи должны рассматриваться «как орудия социалистического воспитания масс...; обязаны пропитывать классовым содержанием всякую деталь своей

текущей строительной работы, бороться с попытками сводить ее к простому культурничеству без достаточно четкого проведения... классовой линии».

Сотрудники этнографических музеев не торопились с проведением этой программы партии и государства в жизнь. Постановка вопроса была для них принципиально новой. Требование превращения музеев в пропагандистские центры вступало в противоречие с их деятельностью, традиционно направленной на углубление научных исследований и популяризацию научных знаний⁹. Кроме того, многие этнографы, прежде всего среднего поколения, составлявшие большинство в этнографических музеях, с такой их политизацией не были согласны. Первыми подняли вопрос о необходимости пересмотра деятельности этнографов и этнографических музеев в духе времени молодые ученые Ленинграда. Сотрудники МАЭ, Этнографического отдела Русского музея, Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) Н. И. Гаген-Торн, С. В. Иванов, Н. Г. Шпринцын, И. Старынкевич, И. Н. Винников, Н. Ф. Прыткова направили 9 октября 1928 г. в президиум Российской ассоциации научных исследований общественных наук (РАНИОН) резко критическое письмо¹⁰, в котором утверждали, что ситуация, сложившаяся в этнографии и этнографических музеях, не позволяет этнографам активно включиться в работу по строительству социализма. Изучение народов, писали они, «ведется вне общего плана, вне единого метода, с разными точками зрения на задачи этнографии у разных специалистов». По мнению авторов письма, ученые лишены возможности вырабатывать коллективное мнение и ставить общие задачи в связи с тем, что в стране нет научного этнографического центра и отсутствуют связи между отдельными этнографическими учреждениями. Этнографические же музеи, считали авторы письма, совершенно оторваны от жизни и требуют обновления.

Письмо молодых этнографов Ленинграда, довольно категоричное по тону, повторяло применительно к этнографии ту оценку состояния науки и музеев, которая была дана им на XV съезде ВКП(б) и активно утверждалась через печать¹¹. Этнографы старшего и среднего поколения, вероятно, не разделяя полностью точку зрения своих младших коллег на состояние дел в этнографии¹², согласились с необходимостью обсуждения назревших проблем на совещании.

Совещание этнографов Москвы и Ленинграда состоялось в апреле 1929 г. в Ленинграде в конференц-зале ГАИМК¹³. На нем присутствовало 86 этнографов и 60 представителей других гуманитарных дисциплин. Задачи совещания были сформулированы М. Н. Лядовым, ответственным работником ЦК ВКП(б). Участникам этого представительного съезда предлагалось обсудить пути развития этнографической науки и этнографических учреждений на новом этапе существования Советского государства и определить свое место в социалистическом строительстве. Собравшимся были предложены две модели развития музеев, воплощение которых в жизнь могло бы, по их мнению, превратить музеи в активных участников новой жизни. Одна модель была разработана хранителем Этнографического отдела Русского музея Б. Г. Крыжановским¹⁴, другая — директором Центрального музея народоведения Б. М. Соколовым¹⁵.

Модель музея, изложенная в докладе Б. Г. Крыжановского, была разработана на основе представлений о предметной области этнографии, назначении музеев и их общественных функциях, имевших широкое распространение среди ученых, продолжавших развивать традиции дореволюционной русской этнографии и музейного дела. Б. Г. Крыжановский четко определил основные социальные функции музеев: «...этнографический музей собирает и хранит памятники этнически выраженных культур для их изучения и использования с просветительской целью». Три основные задачи музея: исследовательская, хранительская и просветительская, с его точки зрения, «совершенно неразрывны и друг без друга невозможны»¹⁶. Однако приоритет, по его мнению, следовало отдать исследовательской работе, так как без нее невозможны ни правильное комплек-

тование коллекций и их обработка, ни просветительская работа, которая строится на базе экспозиций и выставок, являющихся результатом исследований ученых музея. Такая точка зрения была шагом вперед по сравнению с представлениями о назначении музеев, характерными для начала XX в. и первых послереволюционных лет, когда господствовала идея о двух типах музеев: научных, своеобразных лабораториях для исследований в области этнографии, и публичных, занимающихся лишь просветительской деятельностью¹⁷.

Б. Г. Крыжановский много внимания уделил содержательной стороне комплектования музейных собраний. По его мнению, «этнографический музей изучает главным образом культуру тех социальных слоев, в которых она отчетливо этнически выражена. Быт остальных групп населения изучается и собирается лишь постольку, поскольку он сохранил этнические черты»¹⁸. Исходя из такого понимания предмета исследования, Б. Г. Крыжановский полагал, что музей должен собирать лишь «памятники этнически выраженных культур». Считая вслед за П. Ф. Преображенским, что «этнография — это часть истории культуры, тот отрезок истории культуры, который соответствует культурам этнически выраженным»¹⁹, Б. Г. Крыжановский довольно широко раздвигал хронологические рамки сбора коллекций — от «времен доисторических» до современности, точнее, до того момента, когда «культура теряет свой этнический характер и приобретает характер интернациональный»²⁰. Эти положения были близки к высказываниям таких русских ученых, как Н. М. Могиланский, С. М. Широкого-ров, П. Ф. Преображенский, Б. А. Куфтин и др.²¹

Концепция развития этнографического музея, предложенная Б. М. Соколовым, была несколько иной. Б. М. Соколов исходил из главного, по его мнению, принципа деятельности музеев — их полезности строящему социализму государству: «...сейчас настал момент острого осознания этнографическими музеями своего бытия, обусловленного общим бытием советского государства и его социалистических принципов»²². Б. М. Соколов полагал, что этнографические музеи могут включиться в «поступательное движение страны к социализму» лишь в том случае, если постараются стать «могучей школой воспитания и образования широких масс трудящихся». Именно поэтому, решая вопрос о соотношении трех основных функций музея: исследовательской, хранительской и просветительской, он выдвигал на первый план функцию просветительскую. Однако, как и Б. Г. Крыжановский, Б. М. Соколов считал, что просветительская работа должна базироваться на исследовательской: «...исключение или изъятие или даже ограничение научной работы в музеях, конечно, самым болезненным образом отразится на всей просветительской работе»²³.

В вопросе о содержательной стороне комплектования коллекций и тематике экспозиций точки зрения Б. М. Соколова и Б. Г. Крыжановского принципиально расходятся. Б. М. Соколов исходил из представлений об этнографии как науке, изучающей все стороны культуры и быта того или иного народа, а не только их этнические особенности. Соответственно, этнографические музеи, считал он, должны комплектовать и демонстрировать на выставках не только «памятники этнически выраженных культур», но все предметы, характеризующие культурно-бытовой комплекс, сложившийся на том или ином этапе развития общества. По мнению Б. М. Соколова, отбор в музейные собрания лишь памятников этнической культуры, или, как он их называет, «реликтовых материалов», исказит представления о подлинном быте народа. Более широкий подход к отбору памятников позволит представить культуру и быт народа полнее, а главное, позволит выявить все достоинства «социалистического культурно-бытового комплекса, начало которому закладывается сейчас советским строительством»²⁴. Точка зрения Б. М. Соколова на предмет этнографических исследований и высказанное им мнение о необходимости изучения современного состояния культуры были распространены среди этнографов достаточно широко. Однако мысль о возможности комплектования собраний этнографических

музеев предметами, характеризующими урбанизированные формы культуры, высказывалась впервые и большинством этнографов не была одобрена. Оба доклада были доброжелательно приняты участниками совещания и почти без изменения легли в основу принятой ими резолюции²⁵. В ней указывалось, что этнографические музеи, «будучи учреждениями научно-исследовательского порядка... в то же время в равной степени должны быть учреждениями политико-просветительными»²⁶. Признавая необходимость реорганизации музеев, участники апрельского совещания этнографов фактически не поддержали идею партийного и государственного руководства о превращении музеев в учреждение сугубо пропагандистского плана.

Следует также отметить, что в ходе дискуссии много внимания уделялось современному состоянию дел в музеях: тяжелому финансовому положению, плохой издательской базе, неудовлетворительному хранению коллекционного собрания²⁷. При определении причин тяжелого материального положения музеев участники совещания пошли по пути, проторенному официальной пропагандой тех лет. Виновниками были объявлены «старые специалисты», якобы идеологические противники нового строя. Особенно отчетливо эта мысль прозвучала в выступлении В. Б. Аптекаря, объяснявшего «ненормальное положение», по его словам, сложившееся в музеях, «чуждым идеологическим влиянием». «Первый шаг для того, чтобы действительно в эту самую атмосферу внести новый элемент советской жизни,— сказал он,— состоит в том, чтобы эти люди с чуждыми методами были устранены. Нужно по-настоящему расчищать дорогу для молодых советских музейцев и тогда, возможно, эти старые сундуки, над которыми нагибаются два старичка, и другие красоты отечественного музея, наверно, отойдут в область предания»²⁸. Д. А. Золотарев и Б. Г. Крыжановский, «старые специалисты» Этнографического отдела Русского музея высказали иную точку зрения на причины «печального состояния музеев». Они объясняли его не «кознями врагов пролетариата», а общей обстановкой, сложившейся в стране, «той совокупностью условий, в которых живут научно-исследовательские учреждения, в том числе и музейные учреждения»²⁹. Б. Г. Крыжановский объяснил, что споры, возникающие в музеях между сотрудниками, это не конфликт поколений, а дискуссии между учеными, придерживающимися разных взглядов на науку и музейное дело³⁰. Такое выступление в апреле 1929 г., когда по всей стране в связи с постановлением июньского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства», шли разоблачения «старых спецов», требовало немалого мужества. Однако объяснения Д. А. Золотарева и Б. Г. Крыжановского, вероятно, не были приняты большинством участников совещания. В его резолюции указывалось на необходимость пополнения музеев «идеологически выдержанными работниками».

В начале 1930-х годов требования к научным исследованиям и музеям заметно ужесточились. Государство уже не предлагало, как в 1927—1928 гг., изменить формы работы музеев, а требовало превратить в возможно более короткие сроки их в мощное идеологическое орудие, своего рода инструмент для перестройки мировоззрения людей. В 1931—1934 гг. вышел целый ряд постановлений ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, Президиума ВЦИК, Коллегии Наркомпроса РСФСР³¹ по вопросам музейного дела, которые должны были рассматриваться музейными работниками как руководство к действию. Официальная точка зрения на задачи музеев разъяснялась также на Первом Всероссийском музейном съезде, состоявшемся в декабре 1930 г., и на Первой музейной конференции на Ученом комитете ВЦИК, проходившей в декабре 1932 г.³² В приветственном письме съезду наркома просвещения А. С. Бубнова, в выступлениях его заместителя М. С. Эпштейна и заведующего отделом науки Наркомпроса И. К. Луппола отчетливо звучала мысль о том, что музей должен стать «действующим музеем пропаганды на фронте социализма», «участником классовой борьбы»³³. Н. М. Маторин, будущий директор Инсти-

туда этнографии, приветствуя музейный съезд, подчеркнул: «музей должен стать гигантским конденсатором, гигантским орудием для перестройки мировоззрения на началах диалектического материализма»³⁴. Эти идеи были зафиксированы в качестве основополагающих в резолюциях Первого музейного съезда и конференции при Ученом комитете ВЦИК: «Общественно-исторические музеи должны наглядно показать диалектический процесс классовой борьбы и явиться пропагандистским орудием в борьбе за социалистическую реконструкцию»³⁵.

Перед наукой официальные органы поставили задачу перехода на марксистскую методологию и приближения исследований к практике социалистического строительства. В связи с этим произошли принципиальные изменения в понимании предметной области этнографии, ее методологии и общественных функций. Все разнообразие точек зрения на предмет и задачи этнографии, характерное для 20-х годов, было сведено к одной «марксистской», которая считалась единственно правильной. Она была изложена в докладе Н. М. Маторина, директора Института по изучению национальностей (ИПИИ), «Возможна ли марксистская этнография (этнология)?» на Всероссийском археолого-этнографическом совещании в мае 1932 г. и закреплена в его резолюциях³⁶. Из самостоятельной науки этнография превращалась во вспомогательную историческую дисциплину источниковедческого плана. Она отныне должна была «добывать, изучать и обрабатывать с помощью специфической методики и техники» материалы для решения проблем исторической науки, призванной, по мнению ученых-марксистов, исследовать «объективный процесс смены общественно-экономических формаций»³⁷.

Новые требования к музеям и новое понимание предметной области этнографии более остро, чем в 1928—1929 гг., подразумевали реорганизацию этнографических музеев, которая проходила в 1932—1934 гг. под эгидой Наркомпроса РСФСР. В ее основе лежала новая концепция развития музеев, разработанная НИИ музееведения, созданным в январе 1932 г. в рамках ГАИМК³⁸. Концепция развития этнографических музеев, принятая на совещании 1929 г., не могла быть использована, так как базировалась на традиционных взглядах на предмет этнографии и назначение музеев. Подобную концепцию, относящуюся к трем этнографическим музеям, создавали три бригады, куда этнографы включены не были. Так, например, программу деятельности Этнографического отдела Русского музея разрабатывала бригада из десяти человек во главе с сотрудником Музея связи. В нее входили сотрудники Института музееведения, Музея революции и просветительных отделов Эрмитажа и Русского музея. Созданный ими проект концепции, или, как принято было говорить в те годы, «целевых установок», в Этнографическом отделе не обсуждался, а был сразу вынесен на общее собрание Института музееведения³⁹. Это вызвало возмущение этнографов, и в дальнейшем их стали привлекать к разработке программ деятельности МАЭ и ЦМН⁴⁰. Однако участие этнографов не могло оказать какого-либо существенного влияния на содержание программ работы этнографических музеев, так как оно было уже предопределено решениями Первого Всероссийского музейного съезда⁴¹ и директивными властями и партийными документами.

Согласно главному положению, легшему в основу программ деятельности этнографических музеев, последние превращались из музеев этнографии в музеи национальной политики. Отныне основной их целью должен был стать «показ результатов национальной политики диктатуры пролетариата, показ уничтожения неравенства национальностей, индустриализации отсталых районов и расцвета национальных культур»⁴². В соответствии с этой формулой Этнографический отдел Русского музея в марте 1932 г. был объявлен «сектором национальной политики и национальной культуры», главной задачей которого предполагался «показ процесса формирования наций, показ нацполитики и нацкультуры в период советской власти и в эпоху, непосредственно предше-

ствующую революцию»⁴³. Центральный музей народоведения намечалось превратить в «музей республик», музей «показа достижений ленинско-сталинской национальной политики, расцвета культур»⁴⁴. Музею антропологии и этнографии надлежало быть «наглядным учебником исторического материализма и истории развития общества на основе показа докапиталистических социально-экономических формаций в их конкретных вариантах,... показать колониальную политику империалистических государств»⁴⁵.

Наряду с программами деятельности музеев в 1931—1932 г. пересматривалось и соотношение основных функций музеев: исследовательской, хранительской и просветительской. Особенно остро стоял вопрос о месте и роли научных исследований в жизни музеев. Подавляющее большинство этнографов разделяло точку зрения, выраженную Б. М. Соколовым и Б. Г. Крыжановским на совещании 1929 г., согласно которой исследовательская работа наряду с просветительской считалась главной в деятельности музеев. Каждый музейный этнограф был обязан, по их мнению, оформлять свои исследования в виде статей, монографий, каталогов, а также экспозиций, посредством которых велась основная просветительская работа с населением. В то же время существовала точка зрения, что научно-исследовательская работа в музеях должна быть сужена и сведена к созданию конкретных экспозиций и выставок. Одновременно с этим высказывалась мысль о том, что музеям следует вообще отказаться от научно-исследовательской работы⁴⁶. Эта точка зрения на первых порах была в какой-то степени полуофициальной, пропагандировали ее и стремились провести в жизнь люди, пришедшие в музеи недавно и, как правило, не обладавшие достаточной подготовкой для научной деятельности. Официально признанной она стала после выхода в свет постановления Президиума ВЦИК «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» от 1 января 1934 г. и постановления Президиума Цекпроса «по докладу т. Кона о работе и кадрах музеев НКП РСФСР» от 16 января 1934 г., в которых указывалось, что исследовательская работа музеев должна быть «подчинена задачам экспозиционной деятельности и задачам всей политико-просветительной работы в целом»⁴⁷. Что же касается хранительской функции музеев, то вопрос о ней после апрельского совещания 1929 г. не поднимался, так как казался не слишком важным на фоне тех глобальных задач, которые ставило перед музеями государство.

Новые программы деятельности музеев, доведенные до сведения их сотрудников как директива вышестоящих органов, созданные без учета мнения большинства музейных этнографов, принятые без обсуждения в коллективах, мало согласовывались с общей направленностью исследовательской деятельности музеев, комплектования их собраний, профессиональной ориентации специалистов. Музеи с давними традициями фактически должны были начать работу заново, без учета всего предшествующего богатого опыта. Все это не было случайным. Лозунг, провозглашенный на Первом Всероссийском музейном съезде заместителем наркома просвещения М. С. Эпштейном: «по старым традициям, по примиренчеству к ним надо открыть огонь»⁴⁸, — активно проводился в жизнь через печать и выражал официальную политику. Следует также отметить, что сама идея полной перестройки этнографических музеев, превращения их в кратчайшие сроки в музеи историко-политические была утопичной. Это понимали многие этнографы и музейные деятели. Однако они не могли выступить с протестом, так как любые выступления с иных позиций, чем официальные, обычно рассматривались как сопротивление реорганизации музеев, как выпад классовых врагов. Эти обвинения достаточно отчетливо прозвучали уже на совещании этнографов 1929 г. в выступлении В. Б. Аптекаря⁴⁹, а в дальнейшем также на Первом Всероссийском музейном съезде, где М. С. Эпштейн во вступительной речи призывал «срывать маску» с тех музейных работников, которые пользуются ею «для затушевывания своих классовых целей и классовой правды»⁵⁰. Пример «срывания масок» был подан

уже на самом съезде: в классово враждебной деятельности был публично обвинен Б. Ф. Адлер, профессор Казанского университета, некоторое время работавший в этнографическом отделе Русского музея и в МАЭ, «посмеявшийся» опубликовать в немецком журнале критическую статью о состоянии дел в этнографических музеях СССР⁵¹. Однако несогласие большинства ученых с политикой, проводимой государством в области этнографии и музейного дела, время от времени выплескивалось на поверхность. Одним из ярких примеров тому было так называемое «дело С. И. Руденко», профессора, возглавлявшего с 1921 по 1929 г. Этнографический отдел Русского музея, крупнейшего ученого 20-х годов, антрополога и этнографа⁵². По мнению официальных представителей Наркомпроса РСФСР, С. И. Руденко — «ученый, позиции которого совершенно неприемлемы для нашей современной марксистской науки, ученый, который является одним из знамен реакции»⁵³. В 1931 г. после ареста С. И. Руденко сотрудникам Этнографического отдела было предложено провести «разоблачение его научной и организационной деятельности» — «руденковщины», по терминологии тех лет. Однако «разоблачение» С. И. Руденко многими этнографами рассматривалось как отказ от собственных научных позиций, поскольку С. И. Руденко в известной степени был выразителем взглядов большинства из них по основным проблемам этнографической науки и музейного дела. На заседании отдела ученые сделали все возможное в те годы, чтобы отстоять свое достоинство и свои взгляды. Многие из них отказались выступать с критикой «буржуазной сущности» деятельности своего бывшего заведующего, некоторые пытались его защитить. Молодые этнографы, не сумев отказаться от выступлений, разочаровали присутствовавших представителей вышестоящих органов «слишком мягкими разоблачениями». Однако, конечно, нашлись люди, которые выступили достаточно резко и несправедливо.

Спротивление этнографов, являвшееся скорее слабой попыткой самозащиты, чем настоящим сопротивлением, вскоре было сломлено. В 1930—1933 гг. во всех этнографических музеях прошли увольнения, а вслед за этим и аресты научных сотрудников. Так, например, только в Этнографическом отделе Русского музея в 1931 г. было уволено 14 специалистов из 23, составлявших его штат⁵⁴. Необходимость увольнения объяснялась якобы неспособностью этнографов старой школы в силу их «идеологической враждебности» проводить необходимую пролетариату кардинальную реорганизацию музеев. В течение двух лет старые кадры этнографов были заменены новыми, «методологически грамотными, марксистски подкованными». Большинство этих сотрудников, к сожалению, были далеки от этнографии, не обладали достаточной квалификацией, опытом работы в музеях, часто даже не имели высшего образования. Характерной особенностью такого рода специалистов, по словам редактора журнала «Сообщения ГАИМК», было «пренебрежение к конкретному материалу, совершенно недостаточное владение им, недостаточное знание фактов, исторических документов... и всякого рода иных документов, являющихся необходимым источником исторического исследования... не редкость встретить такое положение, когда будучи более или менее подкован по общим вопросам марксистско-ленинской теории, работник плохо знает даже основные факты истории данного общества»⁵⁵. Выпускники этнографических факультетов составляли среди них лишь небольшой процент.

Изменение профиля этнографических музеев, выдвигание на первый план пропагандистских функций, почти полная замена опытных специалистов в основном плохо подготовленной молодежью отрицательно сказались на всех сторонах деятельности музеев. Экспозиционная работа, объявленная «самой ударной работой на музейном фронте», поскольку именно через экспозиции предполагалось вести основную пропагандистскую деятельность в 1931—1934 гг., развивалась очень неудачно. Созданные в эти годы в Этнографическом отделе Русского музея экспозиции «Украинское село до и после Октября» (1931 г.), «Белорусы и БССР» (1932 г.) были закрыты как «искажающие советскую

действительность». Разрабатывавшийся на протяжении нескольких лет план экспозиции «Современная колхозная деревня» так и не был воплощен в жизнь⁵⁶. Экспозиция «Ленинградская область и Карелия», строившаяся на протяжении почти шести лет, была открыта только в 1937 г., а через месяц закрыта как «антисоветская»⁵⁷. Экспозиция МАЭ, создававшаяся в 1931—1932 гг., была объявлена «немарксистской»⁵⁸. Экспозиции 1930—1934 гг. Центрального музея народоведения, по заключению Ленинского райкома ВКП(б) Москвы, «не отвечали задачам, поставленным партией и правительством»⁵⁹. Неудачи в экспозиционной работе объяснялись прежде всего тем, что в этнографических музеях не было ни хорошей базы вещей, документальных, изобразительных памятников для показа колониальной политики, тяжелых условий труда и быта народов России и колониальных стран, ни сотрудников, обладавших нужной квалификацией. Трудноосуществимой была также поставленная перед экспозиционерами задача отразить на выставках и экспозициях музеев «культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию».

Подчинение всей работы музеев экспозиционным задачам привело в значительной мере к ослаблению научных исследований в области этнографии. Особенно это коснулось Этнографического отдела Русского музея и Центрального музея народоведения, где вся научная деятельность была сведена к разработке тематико-экспозиционных планов или организации экспедиций. Один из сотрудников Этнографического отдела акад. А. А. Миллер, анализируя план работы на 1932 г., писал: «...научно-исследовательская работа сведена к экспедициям, вообще — к оформлению источника. Не предусмотрена и не отражена в желательной форме научно-исследовательская работа последующая или совсем не связанная с собиранием предметов»⁶⁰. Несколько лучше положение было в МАЭ, где исследовательская работа полностью не прекращалась. Вероятно, это объясняется тем, что МАЭ вошел в состав созданного в 1933 г. Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук.

Особенно большие изменения произошли в комплектовании фондов. Оно перестало рассматриваться как работа по формированию базы вещевых источников для науки и превратилось в целенаправленный сбор экспонатов для экспозиций. Это привело к резкому сужению его тематики: в музей отбирали только те вещи, которые требовались для того или иного раздела экспозиции. В связи с тем что экспозиции должны были показать недостатки старых общественно-экономических формаций и достижения советской власти, отбор экспонатов стал очень тенденциозным, направленным преимущественно на отбор предметов, характеризующих современность, понимаемую как сиюминутная действительность. При этом в понятие «современность» включалось лишь то новое, что вошло в жизнь народов вместе с Советской властью и что считалось ее достижением. Традиционная культура, еще функционировавшая у многих народов страны как целостная система, не рассматривалась как органическая часть современной этнографической действительности. Она квалифицировалась в основном как пережиток прошлого, а ее наличие у того или иного народа — как признак его культурной отсталости. Такая отправная точка комплектования привела к тому, что в музейное собрание стали поступать вещи и документы, отражавшие не этническую культуру, а экономическую, политическую, социальную сферы жизни общества. Новая направленность деятельности этнографических музеев, ставившая во главу угла пропагандистскую работу, сказалась самым непосредственным образом на работе по хранению, регистрации, реставрации экспонатов. Эта работа окончательно перестала считаться важной стороной деятельности музеев, на нее отпускался минимум денежных средств и в конце концов она пришла в полный упадок.

Ситуацию, сложившуюся в середине 30-х годов в Этнографическом отделе Русского музея, ярко описал его новый директор П. И. Воробьев в докладной записке наркому просвещения А. С. Бубнову от 25 ноября 1934 г.: «...ближайшее ознакомление с общим состоянием музея произвело на меня исключительно

тягостное впечатление, в силу безнадежного положения, в котором музей очутился: 1 — полный развал экспозиционной работы... 2 — отсутствие научно-исследовательской работы... 3 — ликвидация экспедиционной и собирательской деятельности... 4 — прекращение издательского дела... 5 — свертывание деятельности подсобных учреждений, даже реставрации... 6 — падение посещаемости музея»⁶¹. Примерно такая же картина сложилась к 1936—1937 гг. и в МАЭ⁶². Судьба ЦМН была еще печальнее. В 1934 г. решением СНК СССР главное здание музея, где находились основные экспозиции и фондохранилище, было передано вновь организованному научно-исследовательскому институту Академии наук. Оставшееся в распоряжении музея одно здание было слишком мало, чтобы вместить все коллекции, собранные за столетнюю историю музея. В 1939 г. его директор в докладной записке в СНК писал: «...все богатейшие фонды, за исключением выставленных в экспозиционных залах, свернуты в ящики и скученно размещены в помещениях, не приспособленных для хранения, а также в ветхих и опасных в пожарном отношении надворных зданиях и даже под наружными навесами, что приводит к прямой порче и даже гибели ценнейших экспонатов»⁶³. В мае 1943 г. единственное здание музея было передано Институту химической физики Академии наук, а все принадлежащие музею вещи и коллекции перевезены в пустовавшую школу с разбитыми окнами и полуобвалившимися стенами. Директор музея Н. Г. Черепанов, рассказывая в 1946 г. о переезде музея в школьное здание, отмечал: «...экспозиция музея варварски разрушена, орнаментированная роспись в залах музея почти вся погибла, почти вся специальная мебель (стенды, витрины, шкафы, стеклянные колпаки и прочее) расхищена и сломана, обстановочные сцены, большое количество макетов, сотни манекенов, керамические изделия, фарфор, стекло превращены в лом»⁶⁴. В 1948 г. музей был закрыт, а его коллекции переданы в ГМЭ и МАЭ, а также в ряд других музеев страны⁶⁵.

Таким образом, стремление государства и партийных органов во что бы то ни стало превратить этнографические музеи в пропагандистские центры, в орудие идеологического воздействия, сочетавшееся с неуважительным отношением к ним и их нуждам, привело музеи в первой половине 30-х годов не к возрождению на новой основе, а к упадку. Во второй половине 30-х годов представления о предметной области этнографии и профиле музеев были пересмотрены: этнография вновь стала самостоятельной наукой, а музеи из музеев национальной политики превратились опять в этнографические. Однако это не внесло принципиальных изменений в их жизнь, так как в новых программах их деятельности осталось неизменным выработанное на рубеже 1920-х — 1930-х годов положение о том, что музеи — это прежде всего центры пропаганды социалистического образа жизни, идей марксизма-ленинизма. На протяжении почти 40 лет вся работа этнографических музеев строилась исходя из этого постулата. Пропагандистским целям были подчинены исследовательская деятельность, сведенная фактически к составлению тематико-экспозиционных планов, работа по комплектованию фондов, строившаяся исходя из нужд экспозиций, а также экспедиционная. Все это сказывалось на деятельности музеев, принося значительный урон как этнографической науке, так и делу просвещения народа, воспитания его в духе уважения к своим традициям и традициям других народов.

Примечания

¹ ЦМН в 1935 г. был переименован в Музей народов СССР.

² В 1934 г. был преобразован в Государственный музей этнографии, с 1948 г. — в Государственный музей этнографии народов СССР.

³ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук. Л., 1978; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 28—56.

- ⁴ Тр. Первого Всероссийского музейного съезда. Протоколы пленарных заседаний 1—5 декабря 1930 г. Т. 1. М., 1931. С. 22, 135.
- ⁵ Там же. С. 25—37, 135, 142—149.
- ⁶ Ежедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 35. С. 929.
- ⁷ О новых формах и методах просветительной работы. Обращение коллегии Наркомпроса РСФСР. Циркуляр Отдела народного образования // Ежедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 31. С. 3—7.
- ⁸ Там же. С. 5.
- ⁹ Станюкович Т. В. Указ. раб. С. 116—194.
- ¹⁰ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — АЛОИА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 85, 1928/1929. Л. 1—1 об.
- ¹¹ Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о разворачивании самокритики. 3 июня 1928 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. VIII изд. Т. IV. М., 1970. С. 95; XV съезд ВКП(б), декабрь 1927 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1962. С. 1135—1142, 1441—1453 и др.
- ¹² Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеознанию, этнографии за последние десять лет // Человек. 1928. № 2—4; его же. Десятилетие Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР (КИПС) // Человек. 1928. № 1. С. 72—77.
- ¹³ Я. К. (Кошкин) и Н. М. (Маторин). Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5.IV — 11.IV.1929). Хроника // Этнография. 1929. № 2. С. 110—114. Стенограмма совещания хранится в архиве Ленинградской части Института этнографии АН СССР (АЛЧИЭ). ФК-1. Оп. 3. Д. 7.
- ¹⁴ Крыжановский Б. Г. О задачах этнографического музея // Этнография. 1929. № 2. С. 135—137.
- ¹⁵ Соколов Б. М. Построение и деятельность советских этнографических музеев. Тез. докл. // Этнография. 1929. № 2. С. 131—135.
- ¹⁶ АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. С. 363.
- ¹⁷ Шмидт Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919. С. 39, 43.
- ¹⁸ Крыжановский Б. Г. Указ. раб. С. 135.
- ¹⁹ АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. С. 363.
- ²⁰ Крыжановский Б. Г. Указ. раб. С. 135.
- ²¹ Могиланский Н. М. Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического о-ва. 1908. Вып. III. С. 102—105; Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923; Куфтин Б. А. Задачи и методы полевой этнологии. Тез. докл. Б. А. Куфтина // Этнография. 1929. № 2. С. 125—129.
- ²² Соколов Б. М. Указ. раб. С. 131.
- ²³ АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 435.
- ²⁴ Соколов Б. М. Указ. раб. С. 133.
- ²⁵ Резолюция по докладам Б. М. Соколова и Б. Г. Крыжановского // Этнография. 1929. № 2. С. 138—140.
- ²⁶ Там же. С. 138.
- ²⁷ АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 377—441.
- ²⁸ Там же. Л. 411.
- ²⁹ Там же. Л. 429.
- ³⁰ Там же. Л. 444.
- ³¹ Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР, 1931—1934 гг. М., 1934. С. 10—24.
- ³² Ученому комитету ВЦИК подчинялись музеи системы Академии наук. Материалы конференции хранятся в Архиве Академии наук СССР (далее — ААН СССР). 1932. Ф. 142. Оп. 1. Д. 48—50.
- ³³ Тр. Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. С. 19, 133, 137.
- ³⁴ Там же. С. 22.
- ³⁵ ААН СССР. 1932. Ф. 142. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.
- ³⁶ АЛОИА. 1932. Ф. 2. Оп. 1. Д. 71; Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Сов. этнография (далее — СЭ). 1932. № 3. С. 3—14; Всероссийское археолого-этнографическое совещание // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7—8. С. 1—5.
- ³⁷ Резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания (по докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии) 7—11 мая 1932 г. // СЭ. 1932. № 3. С. 14.
- ³⁸ Миронец Г. Институт музееведения // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3—4. С. 75.
- ³⁹ АЛОИА. 1932. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 7—13.
- ⁴⁰ Там же. Л. 14—15.
- ⁴¹ Милонов Ю. Целевые установки музеев различного типа. Тез. докл. // Первый Всероссийский музейный съезд. Тез. докл. М., 1930. С. 4—5.
- ⁴² Там же. С. 4.
- ⁴³ Миронец Г. Институт музееведения // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7—8. С. 72.
- ⁴⁴ Иванов А. И. Центральный музей народоведения за 5 лет // Сов. музей. 1933. № 2. С. 68—69.

- ⁴⁵ АЛОИА. 1932. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 14.
- ⁴⁶ ААН СССР. 1932. Ф. 142. Оп. 1. Д. 48. Л. 83—84.
- ⁴⁷ Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР. С. 19, 23.
- ⁴⁸ Речь М. С. Эпштейна на открытии Первого Всероссийского музейного съезда // Тр. Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. С. 12.
- ⁴⁹ *Аптекарь В. Б.* Марксизм и этнология. Тез. докл. // Этнография. 1929. № 2. С. 115—116; *его же.* Выступление в прениях по докладу Б. М. Соколова и Б. Г. Крыжановского // АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 411.
- ⁵⁰ Тр. Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. С. 9.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — АГМЭ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 361—363.
- ⁵³ АЛЧИЭ. ФК-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 411.
- ⁵⁴ В Русском музее // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3—4. С. 77.
- ⁵⁵ О новых и старых кадрах // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5—6. С. 5.
- ⁵⁶ АГМЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 365. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Д. 416. Л. 1.
- ⁵⁸ *Станюкович Т. В.* Указ. раб. С. 202.
- ⁵⁹ АГМЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 42. Л. 9 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Д. 643. Л. 9.
- ⁶² ААН СССР. 1937. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
- ⁶³ АГМЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.
- ⁶⁴ Там же. Д. 53. Л. 27 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 83. Л. 1, 2.